

ἄδικον βίον ἐπαινῶν (II, 358D) — «поэтому, напрягшись, скажу, восхваляя несправедливую жизнь». Оба причастия κατχτείνων и ἐπαινῶν говорят о будущем, в зависимости от ἐρῶ. В другом месте у того же автора находим περὶ τοῦ θεοῦ σοφώτεροι γενομένοι λήρατες διαφθαρέντες (Gorg. 487D). Предостережение: как бы вы, став чрезмерно мудрыми, незаметно не испортились. Опять причастия аориста γενομένοι и διαφθαρέντες выражают то, что произойдет в будущем — личная форма глагола стоит в будущем времени. В «Богатстве» Аристофана Гермес просит Кариона принять его к себе в дом в качестве жильца; тот спрашивает — ἐπεὶ ἀπολιπὼν τοὺς θεοὺς ἐνθάδε μενεῖς (1148) — «действительно ты, покинув богов, останешься здесь?». Опять причастие аориста выражает действие предстоящее: «ты покинешь богов и останешься здесь?».

Итак, нет основания думать, что будто Феогнид на самом деле перешел на сторону своих бывших противников. Его намерение имело скорее характер угрозы (кому? возможно, самому себе) со стороны человека, доведенного до крайности.

THEOGNIS AND MEGARA

by A. I. Dovatur

Study of Theognis's lines relating to war and military actions leads the author to conclude that no evidence of his participation in the Megarian civil war is to be found in them. What Aristotle has to say in the «Politics» about political strife and civil war in Megara is difficult to connect with the time of Theognis. Conclusion: though Theognis undoubtedly took an active part in stormy political quarrels, he was neither a contemporary of nor a participant in the civil war. In contrast to the Old Oligarch of Athens, author of the so-called pseudo-Xenophontic «Athenian Politeia», the Megarian poet, when writing on political themes, did not align himself with «the rich» against the demos, but regarded only the aristocrats as his allies, lumping together as «bad people» all layers of the citizenry which did not belong to the nobility. The social ideals championed by Theognis, his call for the restoration of a regime which had long since been outlived and cast aside, were doomed to failure. He could not attract to his side any substantial number of adherents, and towards the end of this life, shorn of possessions and social rank, he found himself isolated. A part of the article is devoted to certain evolutionary tendencies in the poet's views as to the inborn high qualities of some persons and baseness of others: there are indications that these views begin to yield place to a «theory» (which started developing earlier) of the influence of environment.

Э. Д. Фролов

ВЫСТУПЛЕНИЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ ДИОНИСИЯ СТАРШЕГО

В ИСТОРИИ младшей тирании сиракузская тирания занимает особое место — не только в силу своей исторической значимости, но и вследствие того, что о ней, в особенности о первой половине правления Дионисия Старшего (вплоть до 387/6 г. до н. э.), мы располагаем сравнительно полными и надежными материалами, главным образом благодаря Диодору, который в этой части своего труда (в кн. XIII и XIV) опирался по преимуществу на Тимея. Последний, в свою очередь, широко использовал исторические записки Филиста, современника, очевидца и участника событий, связанных с историей второй сиракузской тирании. Изложение Филиста, хотя и политически тенденциозное (он был апологетом тирании), носило прагматический характер. Под пером Тимея, ярого врага тирании, рассказ Филиста подвергся соответствующей переработке, риторическому перекрашиванию, однако прагматическая основа в существенной своей части сохранилась и нашла сносное отражение и у позднейшего компилятора Диодора¹. Уникальны, в частности, те 10 страниц тейбнеровского текста Диодора (кн. XIII, гл. 91—96), где рассказывается о приходе к власти Дионисия Старшего. Нигде в другом случае (применительно к позднеклассическому периоду) мы не имеем возможности столь обстоятельно проследить историю установления тирании, как здесь, и каждый раз для восполнения недостающих звеньев мы вынуждены мысленно обращаться к истории Дионисия Старшего, чтобы оттуда почерпнуть необходимые сопоставления и объяснения. Благодаря имеющемуся в нашем распоряжении материалу путь Дионисия к власти оказывается в буквальном смысле слова образцом, и уже это одно достаточно объясняет наш интерес к данному эпизоду древнегреческой истории.

Разумеется, обращаясь к этой теме, мы не можем претендовать на роль первооткрывателей. История младшей тирании в Сиракузах, в частности прихода к власти Дионисия Старшего, неоднократно была предметом внимательного разбора и в общих трудах по истории античной Сицилии и Сиракуз (у Ад. Хольма, Эд. Фримена, Э. Пайса, В. Хюттля, Л. Викерта)² и в трудах по истории Греции (у Эд. Мейера, Ю. Белоха,

¹ Обстоятельный обзор античной традиции о тирании Дионисия Старшего см. теперь в кн.: K. F. Strohecker, *Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus*, Wiesbaden, 1958, стр. 11—31.

² Ad. Holm, *Geschichte Siziliens im Altertum*, II, Lpz, 1874, стр. 92 слл., 427 слл.; E. A. Freeman, *History of Sicily*, III, Oxf., 1892, стр. 539 слл.; E. Pais, *Storia dell'Italia antica e della Sicilia*, 2-nda ed., II, Torino, 1933, стр. 458 слл.;

в «Кэмбриджской древней истории», у Г. Глотца и Р. Коэна, Н. Хэммонда, Г. Бенгтсона)³, и в специальных исследованиях как в рамках сводных работ по истории греческой тирании (у Г. Пласса и Г. Берве)⁴, так и отдельно (у Б. Низе и К. Штроекера)⁵. Перечни в скобках без труда можно было бы расширить, но мы назвали имена лишь тех исследователей, чьи работы, так сказать, — основополагающие, безусловно подлежащие учету при работе над данной темой. Пожаловаться на недостаток пособий, таким образом, нельзя, однако, несмотря на это, историографическое состояние вопроса невозможно признать удовлетворительным. Прежде всего бросается в глаза практически почти полное отсутствие исследований о тирании в Сиракузах в позднеклассический период (как, впрочем, и вообще о младшей тирании) в отечественной, в частности советской, литературе⁶. С другой стороны, обширная зарубежная литература, где так или иначе трактуется история прихода к власти Дионисия Старшего, страдает, на наш взгляд, по крайней мере двумя существенными недостатками. Это, во-первых, неверная исходная установка, со времени Ад. Хольма в той или иной степени воспринятая большинством западных ученых, именно, стремление объяснить — и таким образом по существу и оправдать — установление тирании в Сиракузах в 406/5 г. исторической необходимостью консолидации сил западных эллинов перед лицом варварской опасности, а во-вторых, отсутствие должного внимания к методам борьбы Дионисия Старшего за власть и в силу этого недостаточно обстоятельное изучение таких аспектов темы, которые с общеисторической точки зрения представляются и наиболее интересными, и наиболее поучительными. Таким образом, наряду с непосредственным историческим интересом, состояние научной разработки вопроса также может служить оправданием тому, чтобы еще раз попытаться проследить все перипетии борьбы за власть в Сиракузах в 406/5 г., закончившейся установлением тирании Дионисия Старшего.

Мы должны начать с оговорки, что цель настоящей работы — отнюдь не выяснение исторических корней младшей тирании, наша задача более скромная — изложить и исследовать конкретные события, связанные с выступлением и приходом к власти Дионисия Старшего. Тем не менее, в интересах научной полноты, мы не можем обойтись без некоторых общих положений, без указаний — хотя бы в самой сжатой форме — на исторические предпосылки изучаемого нами явления. Здесь прежде всего надо указать на бесспорное — на то, что в Сиракузах, как и в некоторых других греческих городах, возрождение тирании в позднеклассическом

L. W i c k e r t, Syrakusai, RE, 2. Reihe, Bd IV, Hbbd. 8, 1932, стб. 1507 слл. Важная работа В. Хюттля (W. H ü t t l, Verfassungsgeschichte von Syrakus, Prag, 1929) осталась мне недоступной.

³ Ed. M e y e r, Geschichte des Altertums, V, Stuttgart — Berlin, 1902, 776 слл., стр. 76 слл.; K. J. B e l o c h, Griechische Geschichte, 2. Aufl., Bd. II, Abt. 1, B.—Lpz, 1927, стр. 408 слл.; Abt. 2, Strassburg, 1916, стр. 258 слл.; J. B. B u r y, Dionysius of Syracuse, CАН, VI, 1927, стр. 108 слл.; G. G l o t z — R. C o h e n, Histoire grecque, III, P., 1936, стр. 384 слл.; N. G. L. H a m m o n d, A History of Greece, Oxf., 1959, стр. 470 слл.; H. B e n g t s o n, Griechische Geschichte, 4. Aufl., Münch., 1969, стр. 286 слл.

⁴ H. G. P l a s s, Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen, II, Bremen, 1852, стр. 203 слл.; H. B e r v e, Die Tyrannis bei den Griechen, I—II, Münch., 1967 (I, стр. 222 слл.; II, стр. 637 слл.).

⁵ B. N i e s e, Dionysios I, RE, V, 1905, стб. 882 слл.; S t r o h e k e r, ук. соч. (о выступлении Дионисия — стр. 36 слл.).

⁶ Лишь по истории более поздней тирании Агафокла имеется работа П. Ф. Пилеиковой-Новиковой «Проблема кризиса греческого полиса в советской историографии и позднегреческая тирания в Сиракузах при Агафокле» (в кн. «Вопросы историографии и истории социально-политической борьбы зарубежных стран», Уфа, 1968, стр. 201—226).

сический период было тесно связано с начавшимся кризисом полисной системы⁷. Вслед за этим отметим — тоже, впрочем, достаточно кратко — особенности исторического развития Сицилии и Сиракуз, имевшие уже более непосредственное отношение к выступлению Дионисия Старшего.

Хотя кризисные явления характерны в той или иной степени для всех греческих полисов в позднеклассический период, была, по-видимому, своя логика в том, что впервые в чистом виде тирания возродилась именно в Сиракузах, а не, скажем, в Афинах или в Спарте. Причинами тому были, очевидно, и общий характер развития дочерних греческих городов с их подвижной, менее скованной традициями жизнью, с их менее устойчивой в силу этого социальной и политической структурой, и особенное сочетание внешних и внутренних трудностей, выпавших на долю сицилийских городов, в частности и Сиракуз, в конце V столетия⁸. Особенно большое значение для исторического развития греческих городов Сицилии имело их вынужденное участие в Пелопоннесской войне в связи с двумя вторжениями афинян (в 427—424 и 415—413 гг.), а затем — возобновление борьбы с карфагенянами, которые, несомненно пользуясь взаимным ослаблением греков, в 409 г. в широких масштабах открыли наступление на греческую часть острова. Эти войны решительным образом нарушили стабильность сложившегося к концу второй трети V столетия положения — и в каждом отдельном городе, где полисные, республиканские и демократические принципы только что получили известную силу, и в Сицилии в целом, обретшей устойчивость под знаком сиракузской супрематии. В самих Сиракузах затянувшаяся и потребовавшая огромного напряжения сил борьба с Афинами резко стимулировала внутреннее развитие, обострив социальные и политические противоречия, что отразилось и в столкновениях соответствующих лидеров, в частности близкого олигархии Гермократа с демагогами Афинагором (в 415 г.) и Диоклом или Эвриклом (в 413 г.), и в окончательном, как казалось, торжестве радикальной демократии, которая после победы над афинянами добилась проведения важных преобразований в государственном строе Сиракуз (реформы Диокла в 412 г.). На деле, однако, оказалось, что этот успех демократии еще больше углубил противоречия между консервативными и радикальными группировками, что должно было крайне отрицательно сказаться на полисном единстве. Вместе с тем войны, поощрив профессионализацию армии, повысив роль военачальников и вызвав к жизни практику чрезвычайных назначений, содействовали развитию и иных опасных для полиса тенденций. И здесь, как и в полисах Балканской Греции, неустойчивость социально-политической обстановки развязала инициативу отдельных честолюбивых политиков, готовых (здесь именно больше, чем где-либо в другом месте) в случае конфликта с собственной общиной силой отстаивать свое право на первенство. И действительно, когда в 408/7 г. изгнанный незадолго до этого Гермократ попытался, опираясь на наемников и группу личных приверженцев («друзей») в Сиракузах и используя в своих интересах тревожную военную

⁷ Связь возрождения тирании с кризисом полиса для современной науки является несомненной. См., например, Р. Пельман, Очерк греческой истории и источниковедения, пер. с 4-го нем. изд. С. А. Князькова, СПб, 1910, стр. 238 слл.; С. А. Жебелев, «Младшая тирания» в Греции и Малой Азии, в кн. «Древняя Греция», под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова, М., 1956, стр. 448 слл.; С. M o s s é, Un aspect de la crise de la cité grecque au IVe siècle: la recrudescence de la tyrannie, «Revue philologique», CLII, 1962, № 1, стр. 1—20; Вегве, ук. соч., I, стр. 219 сл.

⁸ Для истории Сицилии и Сиракуз в конце V в. (после 413 г.) см., в частности, Н o l m, ук. соч., II, стр. 77 слл., 417 слл.; Ф р e e m a n, ук. соч., III, стр. 439 слл.; Р a i s, ук. соч. I, 1933, стр. 438; W i c k e r t, ук. соч., стб. 1504 слл.; S t r o h e k e r, ук. соч., стр. 32 слл.

ситуацию, насильственным путем добиться возвращения на родину, стало ясно, сколь реальна угроза ниспровержения республики и установления тирании в Сиракузах⁹. Выступление Гермократа окончилось провалом, однако это вовсе не означало, что опасность, нависшая над Сиракузской республикой, миновала. Положение оставалось весьма тревожным и в силу напряженности во внутренних отношениях, и ввиду растущей угрозы со стороны карфагенян.

Внутренние противоречия в Сиракузах достигли особой остроты как раз в связи с выступлением Гермократа. Своими спекуляциями на патриотических настроениях ему удалось привлечь к себе симпатии народной массы и с помощью друзей в Сиракузах добиться устранения вождя радикальной группировки Диокла (см. Diod., XIII, 75, 4 сл.). В этих условиях решающее противодействие планам Гермократа было оказано, по-видимому, со стороны олигархически настроенных кругов полисной элиты, сплотившихся перед угрозой установления тирании во круг политика консервативного направления Дафнэя¹⁰. Победа над Гермократом усилила влияние консервативной группировки, что должно было вызвать подозрение у пылких приверженцев демократии, которые теперь не без основания могли опасаться олигархического переворота (ср. последующие спекуляции Дионисия на этой опасности). При этом у демократов не было недостатка в поводах для критики: малоэффективная внешняя политика и прежде всего недостаточно энергичное сопротивление карфагенянам делали весьма уязвимыми позиции правящей партии.

Таким образом, начиная с 408/7 г., когда вследствие происков Гермократа и его друзей впервые вспыхнула внутренняя смута (*στάσις* — Diod., XIII, 75, 5), сиракузское общество непрерывно находилось в состоянии брожения, и это состояние действительного или потенциального раскола безусловно должно было облегчить выступление нового Гермократа. Исходной точкой для такого выступления, как это подсказывал опыт Гермократа, могла стать критика осуществлявшейся правительством военной политики, которая, как казалось, могла закончиться для государства катастрофой. И в самом деле, над всеми греческими городами Сицилии в последнее десятилетие V в. нависла страшная опасность. Вмешательство карфагенян в распри Эгесты с Селинунтом в 410/9 г. (см. Diod., XIII, 43—44) довольно скоро приняло характер тотального наступления на всю греческую Сицилию¹¹. Уже первое вторжение карфагенян в 409 г. привело к уничтожению Селинунта и Гимеры¹², затем в 407 г., закрепляясь в греческой части острова, они основали на северном побережье, недалеко от Гимеры, новый город Фермы (см. Diod., XIII, 79, 8), а в 406 г. началось второе вторжение, еще более внушительное, причем на этот раз опасность угрожала Акрагант, второму после Сиракуз крупнейшему греческому городу в Сицилии¹³. Впервые со вре-

⁹ О выступлении Гермократа, помимо экскурсов в трудах общего характера, см. еще Th. Lenschau, *Hermokrates* (1), RE, Bd. VIII, Hbhd 16, 1913, стр. 883—887; H. D. Westlake, *Hermocrates the Syracusan*, «Bulletin of the John Rylands Library», XLI, № 1, September 1958, стр. 239—268; Stroheker, ук. соч., стр. 33 сл.; Berge, ук. соч., I, стр. 215 сл.; II, стр. 634.

¹⁰ О нем см. Arist., Pol. V, 4, 5, p. 1305a 26—28; Diod., XIII, 86, 4 сл.; 96, 3; Polyæn., V, 7. Ср. Stroheker, ук. соч., стр. 34 сл.; Berge, ук. соч., I, стр. 216; II, стр. 634.

¹¹ О карфагенском нашествии 409—405 гг., помимо соответствующих разделов в трудах по истории античной Греции и Сицилии, см. еще O. Meltzer, *Geschichte der Karthager*, I, B., 1879, стр. 258 сл.

¹² См. Diod., XIII, 54—62; [Xen.], Hell. I, 1, 37.

¹³ См. Diod., XIII, 80 сл.; [Xen.], Hell. I, 5, 21.

мени решительной победы Гелона при Гимере (480 г.) карфагеняне возобновили в таких масштабах свое наступление на западных эллинов. Вновь, как когда-то, над греками нависла угроза порабощения, и было очевидно, что лишь исключительные усилия, мужество, организованность и единство в действиях способны отвратить эту угрозу. В мужестве недостатка не было: Диодор рассказывает о замечательной самоотверженности, с какой защищали свои города селинунты и гимеряне в 409 и акраганты в 406 г. Однако организованность и единство оставляли желать лучшего. В 409 г. сиракузяне, а вслед за ними и акраганты и гелойцы промедлили с оказанием помощи Селинунту¹⁴, а затем послали лишь незначительный отряд (всего около 4000) человек на помощь Гимере (Diod., XIII, 59, 9). Впрочем, командовавший этим отрядом Диокл после первой же неудачи союзников счел за лучшее вернуться обратно в Сиракузы. Последовавший за взятием Гимеры двухлетний перерыв в военных действиях греки практически никак не использовали — в частности, сиракузяне, чья инициатива была парализована выступлением Гермократа, ограничились бесплодными дипломатическими демаршами (см. Diod., XIII, 79, 8). Затем в 406 г., когда уже стало известно о готовящемся новом вторжении карфагенян, сиракузяне выступили инициаторами принятия определенных защитных мер. Они обратились с призывом к сицилийским грекам объединить усилия для защиты своей свободы и независимости, отправили послов к италийским грекам и в Спарту с просьбой о помощи (см. Diod., XIII, 81, 1 сл.). Однако карфагеняне успели высадиться и начали осаду Акраганта прежде, чем составилось союзное войско, а когда оно, наконец, выступило на помощь акрагантянам (на этот раз довольно большой отряд — 30 000 пехоты и 5000 конницы под командованием Дафнэя, см. Diod., XIII, 86, 4 сл.), то несмотря на первые успехи, из-за несомненной медлительности стратегов — командиров союзных и собственно акрагантских войск (акрагантские стратеги за эту свою медлительность подверглись даже обвинению в предательстве и были побиты камнями), а также из-за небрежного ведения войны на море очень скоро греки оказались в трудном положении и вынуждены были оставить Акрагант (в начале зимы 406/5 г.)¹⁵.

Хотя все это были крупные неудачи, тем не менее было бы антиисторично думать, что при тогдашнем своем партикуляризме и республиканизме греки Сицилии фатально, так сказать, были обречены на поражение и что единственное спасение могло прийти от сильного вождя, от монарха-объединителя, который своей властью спаял бы разрозненные рыхлые общины в единое целое¹⁶. Опыт Греко-персидских войн показал, что и полисные республики могут в принципе достигнуть единства и вести успешную борьбу с могущественным внешним врагом. Однако в кон-

¹⁴ См. Diod., XIII, 54, 3; 55, 3, 56, 1 сл.; 59, 1.

¹⁵ См. Diod., XIII, 85 сл.; [Xen.], Hell. I, 5, 21; II, 2, 24.

¹⁶ Ср. Holm, ук. соч., II, стр. 96: «Здесь может быть сделано общее замечание о том, что в столь необычном положении, как то, в котором тогда находилась Сицилия, ко-неограниченная демократия еще раз проявила свою неспособность. <...> Сицилия, которой карфагеняне угрожали гибелью, могла искать помощи лишь у тиранни. <...> В войне греков против карфагенян у греческой стороны должно было иметься центральное руководство. Следовало ли различным независимым государствам, которые тогда еще существовали в Сицилии, образовать союз таким образом, чтобы один город тогда еще существовал в Сицилии, образовать союз таким образом, чтобы один город стоял во главе? Это было непрактично; лишь в том случае, если бы руководство было передано отдельному лицу, оно смогло бы обнаружить необходимую силу. <...> За основание Дионисиевой тираннии надо выдать сицилийцам отпущение грехов». Эта точка зрения в той или иной степени разделяется всей западной историографией, даже не взирая на признание в последнее время принципиальной связи между возрождением тираннии и кризисом полиса (см., например, Verwe, ук. соч., I, стр. 219 сл., 221).

це V в. греческие города Сицилии уже вступали в полосу социального кризиса, признаки этого проявились и в выступлении Гермократа в Сиракузах в 408/7 г., и в нервозности масс в Акраганте и их расправе над стратегами в 406 г., и, наконец, в тех событиях в Сиракузах и в Геле, о которых мы сейчас будем говорить. В этих условиях первые же крупные неудачи развязали внутренние смуты, в результате чего оказалось возможным торжество тирании над республикой. Не республика вообще, а слабая республика демонстрировала свою несостоятельность в борьбе с карфагенским нашествием, и только это дало возможность тирании украсить себя одеждами защитницы национального дела.

Так или иначе взятие карфагенянами Акраганта повергло в ужас всю Сицилию. Масса беженцев — еще раньше из Селинунта и Гимеры, а теперь в особенности из Акраганта — скопилась в Сиракузах и своим присутствием и своими речами о предательстве стратегов накаляла обстановку, так что и здесь, в конце концов, накапливавшееся годами социальное недовольство выплеснулось в политическое выступление народа против правительства. Инициатором этого выступления явился один из соратников покойного Гермократа Дионисий, который воспользовался сложившейся ситуацией, чтобы добиться для себя единоличной власти¹⁷.

Дионисий, сын Гермократа (так у всех древних авторов¹⁸), или, может быть, правильнее Гермокрита¹⁹, происходил из незнатной (см. Isocr., V, 65 — πολλοστὸς ὁν Συρακοσίῳν καὶ τῷ γένει καὶ τῇ δόξῃ καὶ τοῖς ἄλλοις ἄπειν; Polyb., XV, 35, 2 — ἐκ δημοτικῆς καὶ ταπεινῆς ὑποθέσεως ὀδύνηθης, ср. Diod., XIII, 96, 4), но все же, по-видимому, почтенной и зажиточной сиракузской семьи (см. Cic., Tusc. disp., V, 20, 58 — qui quum esset bonis parentibus atque honesto loco natus; на известный достаток семьи косвенно указывает полученное будущим тираном хорошее образование, см. там же, V, 22, 63 и ниже). Указание одного позднего источника, что отец Дионисия был погонщиком ослов²⁰, надо, очевидно, отнести на счет позднейших измышлений²¹. В момент захвата власти, в 406/5 г. Дионисию было 25 лет²², из чего следует, что он родился около 431/30 г.²³ Кажется, он рано лишился отца и был воспитан отчимом Гелоридом, с которым, по-видимому, хорошо ладил, ибо позднее мы видим этого Гелорида в числе ближайших друзей тирана (см. Diod., XIV, 8, 5). У Дионисия было два брата — Лептин и Феарид, оба младше его (см. Plat., Ep. VII, p. 332 a), и сестра Феста (имя приводит Плутарх — Dion. 21, 7). Рослый, рыжеволосый, с лицом, усыпанным веснушками, Дионисий резко выделялся из толпы и производил впечат-

¹⁷ См. Diod., XIII, 91—96; ср. [Xen.], Hell. II, 2, 24; Plat., Ep. VIII, p. 353; Arist., Pol. III, 10, 10, p. 1286 b 39—40; V, 4, 5, p. 1305a 26—28; 5, 6, p. 1306a 1—2; 8, 4, p. 1310 b 30; Dionys. Hal., Ant. Rom. VII, 1; Plut., Reg. et imp. apophth. Dionys. Mai. I, p. 175 c—d; Polyaen., V, 2, 2.

¹⁸ Diod., XIII, 91, 3; [Xen.], Hell. II, 2, 24; Polyaen., V, 2, 2; Aelian., V. h. XII, 46; Diog. L., III, 48.

¹⁹ Ср. Ditt., Syll.³, № 159, стк. 21, где один из упомянутых там сыновей Дионисия назван Гермокритом. Предположение и обоснование Ю. Белоха — Beloch, ук. соч., III, 2, 1923, стр. 102; ср. также Stroheker, ук. соч., стр. 37; Berve, ук. соч., I, стр. 222; II, стр. 638.

²⁰ См. Helladius ap. Phot. Bibl., cod. 279, p. 530 a 30—32 Bekker.

²¹ Plass, ук. соч., II, стр. 202; Niese, ук. соч., стб. 882; Stroheker, ук. соч., стр. 37; Berve, ук. соч., I, стр. 222; II, стр. 638.

²² См. Cic., Tusc. disp. V, 20, 57; ср. Ephor., fr. 218 Jacoby; Diod., XIII, 96, 4; XV, 73, 5; Cic., De nat. deor. III, 33, 81.

²³ См. также Stroheker, ук. соч., стр. 37 и 43, с исчерпывающим разбором в примечаниях всего относящегося сюда материала.

ление сильного и деятельного человека ²⁴. Природа одарила его крепким здоровьем, твердым характером и большим умом, он был предприимчив, смел, настойчив, в его речах и действиях обнаруживались и трезвый расчет и страстная убежденность, производившие исключительное впечатление на окружающих людей. Вообще он в большой степени был наделен харизматическим даром воздействовать на души других и подчинять их своему влиянию. Для характеристики его духовного облика важны не только общие замечания некоторых авторов о полученном им хорошем образовании (см. Cic., *Tusc. disp.* V, 22, 63 — *homini praesertim docto a puero et artibus ingenuis erudito*), но и специальные свидетельства о его качествах превосходного оратора, обнаружившихся с самого начала ²⁵, о позднейших его увлечениях и интересах в области поэзии ²⁶, музыки (см. Cic., *l. c.*), истории (см. Suid., *l. c.*) и вместе с тем о внимании к точным, техническим, прикладным дисциплинам — строительному делу, военной технике и даже медицине (о медицинских занятиях Дионисия — Aelian., *V. N.* XI, 11), наконец, о ярко выраженном рационалистическом, зачастую цинично-потребительском отношении к религии — все, по-видимому, указывающее на большое влияние господствующего тогда в области образования софистического направления ²⁷. Под этим влиянием, а еще больше под непосредственным воздействием окружающей среды и обстановки — столкновений держав, внутренних социально-политических распри, честолюбивых происков отдельных политиков — завершилось формирование натуры Дионисия. Эта была удивительно современная натура, подстать тому выработанному софистикой идеальному типу, который нашел столь яркое выражение в образе эврипидовского Этеокла и в реальных фигурах Алкивиада, Крития, Лисандра, с теми же, а может быть, и еще сильнее развитыми характерными качествами — ненасытной жаждой деятельности и успеха, неукротимым стремлением к первенству и власти, готовностью на этом пути всегда противопоставить традиционным политическим и нравственным нормам свое право сильной личности.

Стремясь выбиться на поверхность, Дионисий поначалу старался держаться какого-либо сильного покровителя, и, очевидно, именно это привело его к участию в отчаянном предприятии Гермократа. В уличной схватке в 407 г. Дионисий был ранен, родичи объявили его мертвым, и это спасло его от немедленного суда и изгнания (см. Diod., XIII, 75, 9). По-видимому, он нашел затем способ реабилитировать себя в глазах сиракузян, возможно храбрым поведением на войне с карфагенянами (ср. Diod., XIII, 92, 1). В 406 г., во время борьбы за Акрагант он исполнял уже должность секретаря коллеги стратегов ²⁸, т. е. занимал пост хотя и не очень высокий, но важный, позволявший быть в курсе всех событий и по-своему оказывать на них влияние. Причастный к руководству военными действиями, но лично не ответственный за их неудачный исход, Дионисий мог со знанием дела подвергнуть критике тогдашних

²⁴ О его внешности см. Timaeus, fr. 29, Jacoby; Valer. Max., I, 7, ext. 6.

²⁵ См. у Дiodора описания его выступлений перед народом во время борьбы за власть и перед началом второй войны с карфагенянами — XIII, 91, 3 сл.; 92, 4 сл.; I сл.; 95, 5 сл. и XIV, 45, 2 сл.

²⁶ См. Diod., XIV, 109; XV, 6—7; 74, 1—4; Cic., *Tusc. disp.* V, 22, 63; Suid., s. v. Διονύσιος; Bekker и др.; A. Nauck. TGF², стр. 793 сл.

²⁷ Ср. Strohecker, ук. соч., стр. 38.

²⁸ См. Dem., XX, 161; Diod., XIII, 96, 4; XIV, 66, 5; Polyaeus, V, 2, 2. Ср. Niese, ук. соч., стб. 882 сл.; Strohecker, ук. соч., стр. 39. Г. Пlass и Г. Берве, как кажется, склонны думать, что Дионисий занимал должность секретаря еще до участия в путче Гермократа (см. Plass, ук. соч., II, стр. 202; Berve, ук. соч., I, стр. 222), однако это представляется нам менее вероятным.

военачальников, что он и не преминул сделать на первом же народном собрании, созванном в Сиракузах зимой 406/5 г. для обсуждения ситуации, сложившейся после падения Акраганта.

Диодор, чей рассказ через Тимея восходит к свидетельствам очевидца и участника этих событий Филиста, рисует ужасную картину паники, царившей тогда в Сиракузах, и растерянности, которая охватила народ, собравшийся для принятия ответственного решения (см. Diod., XIII, 91, 1 сл.). Никто не решался подать совета, и тут тягостное молчание нарушил Дионисий, который выступил и обвинил стратегов в предательстве. Дионисий призвал народ (τὰ πλῆθος) не дожидаться положенного по закону переизбрания или суда, а немедленно покарать виновных (μὴ περιμεῖναι τὸν κατὰ τοὺς νόμους κλήρον, ἀλλ' ἐκ χειρὸς εὐθέως ἐπιθεῖναι τὴν δίκην). Власти осудили выступление Дионисия как подстрекательское и наложили на него штраф, однако Дионисия поддержал будущий историк Филист, один из самых богатых граждан (οὐσίαν ἔχων μεγάλην), который демонстративно заплатил за Дионисия штраф и ободрил его к дальнейшим выступлениям, заявив, что он готов хоть целый день платить за него штрафы. Дионисий продолжил свои нападки на стратегов, теперь уже прямо объявив, что они оставили Акрагант, будучи подкуплены карфагенянами. Заодно он обрушился с обвинениями и на остальных виднейших граждан, утверждая, что они являются сторонниками олигархии. «Он советовал,— продолжает Диодор,— выбирать в стратеги не сильнейших (τοὺς δυνατώτατους), а скорее наиболее преданных и демократичных (τοὺς εὐνουστάτους καὶ δημοτικούς), ибо те, первые, деспотически управляя гражданами, презирают массу (καταφρονεῖν τῶν πολλῶν) и в несчастьях отечества видят источник собственной выгоды, тогда как люди менее значительные (τοὺς δὲ ταπεινότερους) ничего подобного не будут делать, испытывая страх из-за собственного своего бессилия».

Совершенно очевиден демагогический характер выступления Дионисия, однако при этом замечательно то, что у него, в отличие от Гермocrates, с самого начала «национальная» демагогия, т. е. своекорыстная эксплуатация патриотического лозунга защиты отечества, сочеталась с демагогией социальной, с разжиганием вражды простого народа к знатной и богатой верхушке города, которую он делал ответственной за все несчастья — и внешние, и внутренние. Использование этого приема было закономерным, ибо оно опиралось на действительно распространенное представление о неблагонадежности знатных и богатых граждан в демократическом государстве (ср. аналогичные рассуждения в Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политике»), а с другой стороны, оправдывалось конкретной политической ситуацией в тогдашних Сиракузах, где власть сосредоточилась в руках умеренной, консервативной группировки, близкой олигархии. Разглагольствование о народных интересах составляло важную черту выступлений Дионисия, но это было именно разглагольствованием, пропагандистским приемом в политической борьбе, целью которой был захват власти. Показательно при этом, что Дионисия подерживали — еще до того как он склонил на свою сторону народную массу — отдельные представители полисной элиты, той самой, против которой он разжигал ненависть народа. Так, по свидетельству Аристотеля, один из влиятельнейших граждан Гиппорин, порвав с олигархической группировкой, к которой ранее принадлежал, подбивал Дионисия к установлению тирании (см. Arist., Pol. V, 5, 6, p. 1306 a, 1—2). Затем, как мы видели, поддержал и, так сказать, финансировал выступление Дионисия богач Филист. Очевидно, что полисная элита не была единой, сплоченной группой, от нее откололся ряд лиц, которые и подго-

товыми выступлениями Дионисия. При этом возможно, что еще раньше эти лица поддерживали Гермократа и входили в ту группу его «друзей» в городе, которая так усиленно хлопотала о его возвращении. Уже тогда они могли оценить способности смелого и энергичного Дионисия и после смерти Гермократа связать с Дионисием те надежды, которые раньше возлагали на Гермократа²¹. Замечательно, что эти связи не расстроились и после того, как Дионисий перетянул на свою сторону народ и, казалось, мог уже не зависеть от своих влиятельных друзей. В ту же зиму, сразу же после завоевания власти, Дионисий породнился с домом покойного Гермократа (см. ниже). Позднее он женился на дочери Гиппарина Аристомaxe и приблизил к себе его сына Диона, а что касается Филиста, то тот на долгие годы стал деятельным сотрудником нового режима. Замечательно также, что во время мятежа сиракузских всадников (в 405 г. спустя немного времени после захвата Дионисием власти) не все эти аристократы покинули Дионисия — часть осталась ему верна (см. *Diod.*, XIII, 112, 5; 113, 1). Причины, которые побудили некоторых представителей полисной элиты порвать со своей группой и поддержать Дионисия, были, наверное, самыми различными — и своекорыстный расчет поправить свое состояние, как это было у Гиппарина (см. *Arist.*, I. c.), и принципиальное убеждение в превосходстве тирании (монархии) над республиканскими формами правления, как это было у Филиста (ср., между прочим, замечательную характеристику Филиста у Корнелия Непота: *Nepos. Dion.*, 3,2 — *hominem amicum non magis tyranno quam tyrannis*), однако самый факт образования некоторыми влиятельными гражданами антиреспубликанского заговора и создание ими партии личных приверженцев — «друзей» тирана не подлежит сомнению.

Вернемся, однако, к тому народному собранию, на котором состоялось первое выступление Дионисия (см. Diod., XIII, 92, 1 слл.). Его демагогия имела успех: распаленный его речами народ (ὁ δῆμος) немедленно отрешил от власти прежних стратегов во главе с Дафнэем и избрал новых, в их числе Дионисия и, может быть, также Гиппарина³⁰. Успех окрылил Дионисия, и он энергично продолжал начатое восхождение, совершенно осознанно и последовательно добиваясь тиранической власти³¹. С самого начала он отказался сотрудничать со своими кол-

²⁹ Большинство исследователей не сомневается в том, что Дионисий на первых порах выступал в качестве креатуры партии Гермocrates, авторитетнейшими фигурами в которой были Гиппарин и Филист. Ср. Holm, ук. соч., II, стр. 93; Meyer, ук. соч., V, § 776, стр. 76 слл.; Beloch, ук. соч., II, 1, стр. 408; Glotz — Cohen, ук. соч., III, стр. 384. См. также Strohacker, ук. соч., стр. 195 (прим. 14 к гл. II) и 39; Verwe, ук. соч., I, стр. 221.

³⁰ Совершенно не заслуживают доверия свидетельства Платона и Полиэна о якобы имевшей тогда место расправа над смещенными стратегами (см. Plat., Ep. VIII, р. 354 d—e — побитие камнями всех 10 стратегов; Polyae n, V, 2, 2 — осуждение на смерть одних, на изгнание других); ни о чем таком у Диодора не упоминается, и, на смерть одних, на изгнание других); ни о чем таком у Диодора не упоминается, очевидно, утверждения Платона и Полиэна — следствие какой-то путаницы, возможно, по ассоциации с событиями в Акраганте (предположение Дж. Грота — см. G. Grote, A History of Greece, A New Ed., X, L., 1869, стр. 196, прим. 2; ср. Holm, ук. соч., II, стр. 428; Meyer, ук. соч., V, § 776, стр. 78; Strohecker, ук. соч., стр. 196 — прим. 28 к гл. II; Berve, ук. соч., II, стр. 638). Что вместе с Дионисием в числе новых стратегов был избран и Гиппарх, это предполагают Эд. Мейер и Г. Берве (см. Meyer, ук. соч., V, § 776, стр. 77 сл.; Berve, ук. соч., I, стр. 222; II, стр. 638). По Б. Низе выходит, что тогда же был вновь назначен Гиппарх (см. также ниже). По Б. Низе выходит, что тогда же был вновь избран в стратеги Дафний (см. Niese, ук. соч., стб. 883), однако это представляется нам совершенно невероятным, ибо на Дафния как на фактического главу прежнего правительства и должны были быть направлены в первую очередь и нападки Дионисия и гнев народа (ср. Freeman, ук. соч., III, стр. 561 и Strohecker, ук. соч., стр. 43, где о смещении Дафния упоминается как о само собой разумеющемся факте).

³¹ Наличие у Дионисия уже тогда осознанного стремления подчеркивает Г. Берве (ук. соч., I, стр. 222; II, стр. 638).

легами, очевидно потому, что большая часть не была его сторонниками³²; он не являлся на их заседания и вообще никак с ними не общался. Одновременно он делал все для того, чтобы дискредитировать и эту новую коллегию, распуская слухи (*δειδίδου λόγον*) об их связях с карфагенянами. Народная масса (*ὁ δημοτικός ὄχλος*), зачарованная его демагогическими речами, продолжала слепо верить ему как своему простату, однако почтенные граждане (*οἱ χριέστατοι τῶν πολιτῶν*) подозревали его цели и при каждом удобном случае, на всех сходках (*κατὰ πάσας τὰς συνόδους*) поносили его как злейшего врага. Словом *οἱ χριέστατοι* обозначается здесь у Диодора состоятельная и знатная прослойка граждан³³. Очевидно, что как и в случае с Гермократом — теперь мы даже можем утверждать это с большей определенностью — сопротивление возникающей тирании исходило в особенности от этой аристократической верхушки, точнее говоря, от ее большинства, но отнюдь не от народной массы. Чтобы противостоять этим оппозиционно настроенным «почтенным» гражданам и вместе с тем не быть зависимым от прихотей изменчивой в своих настроениях толпы, т. е., как правильно подчеркивает Г. Берве³⁴, чтобы встать над обеими традиционными социально-политическими группами в полисе, Дионисию важно было укрепить партию своих личных приверженцев. С этой целью на одном из народных собраний, посвященных подготовке к войне с карфагенянами, Дионисий под предлогом консолидации сил провел решение о возвращении изгнанников (см. D i o d., XIII, 92, 4 слл.). В самом этом решении ничего необычного не было, так нередко поступали греческие полисы в условиях большой внешней опасности³⁵. Однако эта, как казалось, вполне оправданная мера по существу таила в себе большую опасность для Сиракузской республики, ибо среди изгнанников большинство в данном случае несомненно составляли те, кого в свое время осудили за участие в выступлении Гермократа³⁶. Эти люди и раньше были связаны с Дионисием, а теперь тем более, как он правильно рассчитывал, они должны были составить его личную партию (см. у Диодора — *τοῦτο δ' ἐποχῆεν ὁ Διονύσιος ἐλπίζων ἰδίους εἶναι τοὺς φυγάδας*) — и из благодарности за возвращение, и потому также, что лишь через него они могли надеяться получить обратно конфискованное имущество и отомстить врагам.

Как демагогу, метящему в тираны, Дионисию было мало, однако, обзавестись в городе свитой друзей; важно было установить еще прочную связь с войском, подчинить его своему влиянию, сделать его послушным своей воле. Случай скоро помог Дионисию сделать важный шаг в этом направлении (см. D i o d., XIII, 93, 1 слл.). Из Гелы прибыло послание с просьбой ввиду грозящего наступления карфагенян прислать, вдобавок к уже ранее отправленному сиракузянами отряду под командованием спартанского кондотьера Дексиппа, новое солидное подкрепление. В Гелу был отряжен с отрядом в 2000 пехотинцев и 400 всадников Дионисий (очевидно в начале 405 г.)³⁷. Он застал в Геле гражданскую смуту — богачей в распре с народом (*τοὺς εὐπορωτάτους στασιάζοντας πρὸς τῷ δήμῳ*), что, возможно, было связано не только с общим нака-

³² H o l m, ук. соч., II, стр. 93; N i e s e, ук. соч., стб. 883.

³³ Ср. F r e e m a n, ук. соч., III, стр. 544 сл.

³⁴ B e r v e, ук. соч., I, стр. 222.

³⁵ Ср., например, решение афинян об амнистии изгнанников накануне вторжения персов в 480 г. — A n d o c., I, 107 сл.; A r i s t., Ath. pol. 22, 8; P l u t., Them. 11, 1; A r i s t., 8, 1.

³⁶ Ср. N i e s e, ук. соч., стб. 883; S t r o h e k e r, ук. соч., стр. 40; B e r v e, ук. соч., I, стр. 222.

³⁷ Датировка — S t r o h e k e r, ук. соч., стр. 41.

лом социальных противоречий, но и — более конкретно — с трудностями содержания воинов Дексиппа, которым сиракузское правительство задерживало выплату жалованья³⁸. Дионисий решительно вмешался в эти распри, выступил в народном собрании гелойцев с обвинениями по адресу богатей, добился их осуждения и казни, а из конфискованного у них имущества выплатил задолженные суммы воинам Дексиппа. Одновременно он обещал и тем воинам, которые прибыли с ним из Сиракуз, что добьется для них удвоения назначенного им от казны жалованья. Таким образом, он сильно расположил к себе солдат, «сделал их себе лично преданными (*ταῖς εὐνοαῖς ἰδίου κατεσχεύασεν*)», — как гарнизона в Геле, так и своего собственного отряда, который он привел из Сиракуз. Он пытался даже Дексиппа перетянуть на свою сторону и сделать участником своих интриг, однако встретил здесь отказ. Между тем народ в Геле в восторге от всего содеянного (может быть и от того также, что ему перепала часть конфискованного у богатей имущества) в специальном постановлении почтил Дионисия как восстановителя свободы и со специальными же посланиями отправил текст этого постановления для зачитания в Сиракузы. Чувствуя за собой поддержку солдат и рассчитывая на впечатление, которое должны были произвести на народ в Сиракузах прокламации гелойских посланцев, располагая, кроме того, уже значительной партией личных приверженцев, Дионисий решил, не откладывая, добиваться для себя в Сиракузах единоличной власти. Пообещав гелойцам вскоре вернуться с еще большим войском для защиты их от вторжения карфагенян, он отправился вместе со своим отрядом обратно в родной город³⁹.

В Сиракузах в день возвращения Дионисия давали театральное представление, но никто из присутствующих в театре и не подозревал, что вечером им уготовано стать зрителями и одновременно участниками еще одной великолепной постановки (см. Diod., XIII, 94, 1 слл.). Как искусный актер рассчитал Дионисий свой новый выход и превосходно провел всю сцену. Он появился в городе как раз в тот момент, когда толпа народа выходила из театра. К нему бросились, стали расспрашивать о карфагенянах. Он отвечал народу, что злейшие враги — не вне города, а внутри, это нынешние руководители государства: они расхищают общественное достояние, оставляя воинов без жалованья, и не обращают никакого внимания на грозные приготовления врагов. Он, Дионисий, и раньше знал, почему они так поступают, теперь же он располагает на этот счет совершенно точными сведениями. Дело в том, что и к нему самому командующий карфагенской армией Гимилькон обратился с призывом — если не присоединиться прямо, то, по крайней мере, не мешать, поскольку, мол, остальные его коллеги и так уже запродались карфагенянам. Ввиду всего этого, патетически заключил Дионисий, он слагает с себя обязанности стратега, «ибо ему невыносимо, чтобы в то время как другие продают отечество, он один и разделял опасности вместе с гражданами и рисковал прослужить участником этого предательства»⁴⁰.

³⁸ Niese, ук. соч., стб. 883.

³⁹ Ад. Хольм полагает, что Дионисий намеревался сначала основать тиранию в Геле — так, как это сделал в свое время Гелон, и что лишь противодействие Дексиппа заставило его отказаться от этого плана (см. Н о I m, ук. соч., II, стр. 94), однако оснований для такого заключения нет, и потому в пребывании Дионисия в Геле вряд ли надо видеть нечто большее, чем эпизод в борьбе за власть в Сиракузах (ср. S t r o h e k e r, ук. соч., стр. 41).

⁴⁰ Об обоснованности этих заявлений Дионисия Эд. Мейер замечает: «Есть ли какая-либо правда в его обвинениях, мы более не могли бы установить; возможно, что хотя бы некоторые, отчасти потому, что они признавали защиту безнадежной, отчасти чтобы удержать свои позиции в городе и ослабить противников, желали отдать Сира-

Сцена удалась, народ разошелся по домам с тягостным чувством. На следующий день было созвано народное собрание (см. Diod., XIII, 94, 4—95, 2). Дионисий выступил теперь уже с формальным обвинением против своих коллег и своей речью до крайности возбудил раздражение народа против стратегов. В конце концов кто-то из присутствующих закричал, что надо назначить Дионисия стратегом-автократором, нечего дожидаться, пока враги подойдут к самым стенам города, надо немедленно возложить все руководство военными делами на одного способного стратега, ведь и в прежнюю войну победы над карфагенянами удалось добиться лишь потому, что был стратег-автократор — Гелон (στρατηγούβριος Γέλωνος αὐτοκράτορος). В накаленной, истерической обстановке этот призыв был немедленно подхвачен множеством голосов. Если бы кто-либо вздумал здесь протестовать, его бы попросту не услышали; впрочем, таких протестантов, кажется, и не оказалось. Собрание приняло решение о смещении прежних стратегов и о назначении Дионисия стратегом-автократором, разбор дела о «предателях» был отложен⁴¹.

Так состоялось по видимости конституционное — с соблюдением известных формальностей, со ссылками на исторические прецеденты⁴², с подразумеваемыми обычными оговорками относительно цели и времени назначения (здесь — для ведения и на время войны с карфагенянами)⁴³, — а на самом деле искусно инспирированное и проведенное в ненормальной обстановке и ненормальным путем (без формального предложения, без обсуждения по существу) избрание Дионисия в стратеги-автократоры. Вновь назначенный стратег-автократор в соответствии со своими предыдущими обещаниями (см. выше, при описании пребывания Дионисия в

кузы в руки карфагенян; подобное было совершенно обычным, например, в греческих городах Малой Азии» (M e y e r, ук. соч., V, § 777, стр. 79). Однако ни в этом, ни в других таких же случаях — а Дионисий выступал с подобными обвинениями неоднократно — мы ничего не слышим ни о доказательствах, ни о правильном расследовании, скорее всего это была просто низкая политическая интрига.

⁴¹ Рассказу Диодора, по-видимому, противостоят замечания Платона и Плутарха, из которых как будто бы следует, что Гишпарин был коллегой Дионисия по должности стратега-автократора (см. P l a t., Ep. VIII, p. 353 a—b τό τε γὰρ εἶλοντο Διονύσιον μὲν ὡς νέον καὶ πολέμιον <...>, σύμβουλον δὲ καὶ πρεσβύτερον Ἰππάρχινον, <...> αὐτοκράτορας ὡς φασιν, τυράννους ἐπὶ τοὺς μαζέοντες, ср. также p. 354 d; P l u t., Dion. 3,3 — Ἰππάρχινου, πρωτεύσαντος ἀνδρός Συρακοσίου καὶ Διονυσίου συνάρχοντος, δτε πρῶτον αὐτοκράτορ <...> ἡρέθη στρατηγός). В соответствии с этим Б. Ниде прямо утверждал, что было избрано два стратега-автократора — Дионисий и Гишпарин, только Гишпарин с самого начала находился на заднем плане, а вскоре умер (N i e s e, ук. соч., стб. 883 сл.). Однако хотя в самом факте избрания двух стратегов-автократоров в Афинах накануне знаменитой Сицилийской экспедиции — T h u c., VI, 8, 2; 26, 1; D i o d., XIII, 2, 1; P l u t., Nic. 12; двукратное избрание трех стратегов-автократоров в Сиракузах в 415—414 гг. — T h u c., VI, 72—73; 96, 3; D i o d., XIII, 4, 1; P l u t., Nic. 16 и T h u c., VI, 103, 4), в данном случае дело, по-видимому, обстояло не так. Надо отдать предпочтение ясному и логичному рассказу Диодора, который в конечном счете опирается на показания хорошо осведомленного Филиста, а странное замечание Платона (Плутарх, очевидно, самостоятельного значения не имеет) отнести на счет скорее фактического (и сильно преувеличенного в угоду друзьям и близким Диона), чем формального положения Гишпарина (ср. S t r o e c k e r, ук. соч., стр. 196 сл. — прим. 39 к гл. II; B e r g e, ук. соч., I, стр. 223; II, стр. 638). Впрочем, Гишпарин мог быть коллегой Дионисия по первой обычной стратегии (см. выше, стр. 59, прим. 30), и это могло дать повод к последующей путанице у Платона и Плутарха.

⁴² Впрочем, ссылка на Гелона могла быть и не совсем корректной, так как весьма сомнительно, чтобы Гелон официально занимал должность стратега-автократора (см. B e r g e, ук. соч., I, стр. 143 сл.; II, стр. 601).

⁴³ Ср. S t r o e c k e r, ук. соч., стр. 42: «Можно <...> не сомневаться в том, что Дионисий также первоначально должен был занимать свою должность лишь с определенным поручением, для отражения карфагенян, и на ограниченное время, самое большее на год, как это было обычно для ординарной стратегии».

Геле) немедленно внес предложение об увеличении жалования воинам вдвое (см. Diod., XIII, 95, 1). Мотивировалось это необходимостью поднять дух воинов накануне решающих схваток с карфагенянами. Что же касается средств, то на этот счет Дионисий советовал не беспокоиться: «источник средств найдется легко». Тогда было еще не ясно, к каким экстраординарным мерам будет прибегать новый глава государства, чтобы расплатиться с солдатами, и потому предложение было с легкостью принято.

Итак, две трети пути Дионисием были пройдены. Теперь ему оставалось сделать немного, чтобы закрепиться на занятом месте и раз и навсегда обезопасить себя от риска смещения. Для этого нужно было еще более укрепить свою личную независимость от обеих главных социально-политических групп — полисной элиты и простого народа, завершить в связи с этим создание сильной партии личных приверженцев и добиться сформирования специального отряда личной охраны и, используя эти две силы, сковать волю общества, не допуская впредь никаких попыток республиканской реставрации. Дионисий незамедлительно приступил к выполнению этой задачи (см. Diod., XIII, 95, 3—96, 2). Для завершения своей программы он с умыслом избрал теперь место вне Сиракуз, ибо здесь его действия могли бы быть скованы присутствием и авторитетом всей массы граждан. Пользуясь своими новыми полномочиями, он отдал приказ всем военнообязанным гражданам в возрасте до 40 лет явиться с оружием в Леонтины (в начале лета 405 г.)⁴⁴. Городок этот еще с 20-х годов составлял часть сиракузских владений. Здесь теперь скопилось большое число беженцев и бывших изгнанников (последние находились тут, по-видимому, потому, что их дома в Сиракузах еще не были им возвращены); на сотрудничество этих людей, заинтересованных в переменах, Дионисий, конечно, мог рассчитывать. С другой стороны, он мог думать, что значительная часть граждан — те именно, кто все более страшился тирании и мог предчувствовать наступление худшего, — вовсе не явится в Леонтины и этим только облегчит проведение им заключительной акции. В Леонтины должны были отправиться те, кто еще не утратил веры в Дионисия как в народного простата, с их помощью ловкий демагог и намеревался сыграть последний акт затеянного им политического фарса. Во время ночного привала неподалеку от Леонтин Дионисий с помощью личных слуг (*διὰ τῶν ἰδίων οἰκετῶν*) поднял шум, как будто на него было сделано покушение, затем оставил лагерь и бежал на леонтинский акрополь, где и провел остаток ночи, вызвав к себе, очевидно для предварительной обработки, наиболее авторитетных из солдат (*τοὺς ὑπορχομένους τῶν στρατιωτῶν μεταπεμπόμενος*). С наступлением дня гражданское ополчение явилось в Леонтины, и теперь Дионисий выступил перед воинами с речью, в которой живописал опасность своего положения и требовал предоставления себе личной охраны. Сбитые с толку, в массе своей все еще видевшие в Дионисии народного вождя, присутствовавшие на собрании воины вынесли постановление, разрешавшее Дионисию отобрать по своему усмотрению 600 человек для личной охраны. Так с помощью уловки, к которой до него прибегали и другие, например Писистрат (сопоставление проводится уже у Диодора [Тимея]), Дионисий добился от народа принятия последней конституционной меры, в которой он еще нуждался. Хотя решением собрания численность личной охраны Дионисия была ограничена, и в этом, очевидно, надо видеть следы последней страховки республиканцев (так именно расценивает оговорку о численности и Аристотель — Pol. III, 10

⁴⁴ Датировка — Stroheker, ук. соч., стр. 43.

10, р. 1286b, 39—40), тем не менее важен был самый факт такого решения, который открывал перед Дионисием возможность создания собственной военной силы, а следовательно, и возможность окончательной трансформации из демагога в тирана (решающее значение проведенной в Леонтинах акции признавали уже древние)⁴⁵.

Немедленно Дионисий начал формирование своей гвардии, отобрав для этой цели свыше 1000 человек (сразу, таким образом, нарушив предписанное ограничение) из числа людей необеспеченных и готовых на все (τοὺς χρημάτων μὲν ἐνδεεῖς, τῇ δὲ ψυχῇ θρασεῖς ἐπιλέξας ὅπερ τοὺς χιλιούς). Он вооружил их роскошным оружием и осыпал пышными обещаниями. С другой стороны, он усиленно склонял на свою сторону наемников. Повсюду — и в гражданском ополчении, и в наемной войске — он проводил важные перемещения, назначая на командные посты лично преданных ему людей и избавляясь от услуг тех, кто внушал опасения. Между прочим он отослал обратно в Грецию спартамца Дексиппа, с которым ему так и не удалось установить надлежащий контакт. Отряд наемников, которым этот Дексипп командовал, Дионисий вызвал из Гелы и принял теперь под свое начало. Одновременно, стараясь максимально увеличить число своих приверженцев, Дионисий отовсюду созывал изгнанников и прочих отщепенцев, не брезгуя помощью, если верить Диодору (Тимею), даже преступных элементов (παυτοχρῶθεν συνήγε τοὺς φουράδας καὶ ἀσεβεῖς). Наконец, когда он счел себя достаточно сильным, Дионисий двинулся обратно в Сиракузы.

Вступив в город (см. Diod., XIII, 96, 2 сл.), Дионисий занял своими войсками важнейшие ключевые позиции, прежде всего район Большой гавани с морским арсеналом⁴⁶, открыто действуя уже как тиран (φανερώς αὐτὸν ἀνδείξας τὸν τύραννον). Сиракузяне — теперь, наверное, даже многие из тех, кто до этого безропотно шел за Дионисием, — были возмущены, однако присутствие многочисленных наемников, преданных Дионисию, а также сознание того, сколь опасной может оказаться для государства внутренняя смута перед лицом внешней угрозы, сковали волю граждан. Продолжая свою политику расширения группы личных приверженцев и, в частности, стремясь еще более укрепить свои связи с кругом друзей Гермократа, влиятельными людьми, поддержка которых всегда была важна для Дионисия, он женится теперь на дочери Гермократа, а за его шурина Поликсена выдает замуж свою сестру Фесту. Опираясь на поддержку своих влиятельных друзей, на готовых к услугам сателлитов, на сочувствие городской черни и, конечно, на своих телохранителей и наемников, Дионисий действительно был теперь господином в государстве. Он сразу же дал это почувствовать, созвав народное собрание и проведя на нем решение о казни двух наиболее влиятельных лидеров оппозиции (τῶν συντοκῶντων αὐτῷ τοὺς δυνατάτους οὄντας) Дафнэя и Демарха. По-видимому, это было завершением суда над стратегами-«предателями», начавшегося еще на собрании, где состоялось избрание стратега-автократора. Примечательно, что казненные были лидерами основных политических группировок в Сиракузской республике: Дафнэя — консервативной (см. выше), а Демарх — радикально-демократической (он, очевидно, как сторонник Диокла принадлежал к тем, кто в 409 г. сменил Гермократа и его товарищей на посту командиров сиракузской

⁴⁵ Cp. Philist., fr. 58, Jacoby [= Cic., De divin., I, 33, 73 — Dionysius paucis post diebus regnare coeperit; Diod., XIII, 96, 6 — καὶ τότε Διονύσιος <...> ἐνέργει τὰ τῆς τυραννίδος. Это же справедливо подчеркивают новейшие исследователи: см., в частности, Freeman, ук. соч., III, стр. 558; Strohecker, ук. соч., стр. 42 сл.; Berve, ук. соч., I, стр. 224.

⁴⁶ Топография — Freeman, ук. соч., III, стр. 560.

эскадры в Эгейском море)⁴⁷. Таким образом, удар Дионисия был направлен по полисным силам в принципе, ради упрочения своего собственного положения и своей новой партии⁴⁸. Впрочем, заняться более основательным искоренением враждебных ему элементов у тирана пока не было времени. Началась летняя кампания 405 г., карфагеняне двинулись походом на Гелу, последний крупный греческий город на южном побережье Сицилии, и Дионисий спешно должен был организовать отпор, от успеха которого, как это было совершенно ясно, зависела возможность дальнейшего оправдания тирании ссылкой на национальное благо. Однако здесь мы остановимся, так как последующие события относятся уже не к истории прихода Дионисия к власти, а к истории его правления.

Завершая рассмотрение этого — еще раз подчеркнем — уникального материала, попытаемся сформулировать важнейшие выводы. Сделать это тем более необходимо, что путь Дионисия к власти, как мы уже отмечали, является в некотором роде образцовым, таким, по которому мы судим, как обстояло дело и в других, менее обеспеченных источниками случаях.

Прежде всего пример Дионисия Старшего ярко показывает первостепенное, решающее значение общественной обстановки для возникновения тирании. Общество, охваченное социальными смутами, стимулируемыми или осложненными угрозами извне, атмосфера страха перед грядущей опасностью и неверия в собственные силы — вот что оказывалось благодатной почвой для развития режима личной власти. Разумеется, при возрождении тирании в Сиракузах свою роль сыграли и другие факторы, как-то: личная инициатива честолюбца, наличие наемников, могущих быть использованными недобрым полководцем против правительства и общества, наличие легальных предпосылок (назначение в стратеги-автократы). Однако более всего бросается в глаза роль и значение нездоровой обстановки — истинной матери тирании. Далее, история Дионисия Старшего с исключительной полнотой и наглядностью демонстрирует методы, с помощью которых оказывалось возможным достичь тиранической власти. Дионисий с самого начала действовал как демагог, и именно это сделало возможным его возвышение и подготовило последующее превращение его из квазинародного вождя в тирана⁴⁹. Отличительным признаком демагогии является своекорыстная эксплуатация популярной народной идеи каким-либо лицом или группой лиц. Демагогия Дионисия Старшего была двоякого рода — «национальная» и социальная. С одной стороны, он беззастенчиво эксплуатировал популярную «национальную» идею — идею борьбы с варварами — карфагенянами, доказывая (или подсказывая) сначала необходимость замены одного правительства другим, с его личным участием, затем необходимость замены коллегиальной власти единоличной и, наконец, неизбежность тирании, — и все это якобы ради лучшей защиты отечества. Истинный же смысл этого приема состоял в маскировке эгоистического стремления к власти идеей «национальной» пользы, лозунгом спасения отечества. С другой стороны, — и это только как самое важное и отмечает Аристотель, — он столь же беззастенчиво эксплуатировал и популярную социальную идею — идею борьбы с эгоизмом и коррупцией стоящих у власти и вообще всех богатых и влиятельных лиц, причем здесь особого внимания заслуживает именно это умышленное обобщение, имевшее целью подкрепить или прикрыть конкретную и беспринципную полити-

⁴⁷ См. Thuc., VIII, 85, 3; Xen., Hell. I, 1, 29.

⁴⁸ Ср. Stroheker, ук. соч., стр. 43; Berge, ук. соч., I, стр. 224.

⁴⁹ Принципиально это было подчеркнуто уже Аристотелем — Pol. V, 4, 5, p. 1305 a 26—28; 8, 4, p. 1310 b 30.

ческую акцию более широким социальным обоснованием. Подстрекательскими речами и действиями он провоцировал выступления народа против правительства, простых и бедных граждан — против влиятельных и богатых, сознательно стремясь вызвать в городе политический и социальный кризис, породить раскол в государстве и обществе, дискредитировать республиканское правительство и его сторонников, увлечь за собой массу народа (ср. характерные словоупотребления и противопоставления в рассказах Диодора о действиях Дионисия — XIII, 91, 3 и 5; 92, 1; 93, 2; 94, 1—3 и 4—и о реакции на них общества—92, 3 и 6; 93, 3). Показательно, однако, что эта общая апелляция к народной массе сочеталась у Дионисия с практической ориентацией — в конкретных действиях уже за пределами народного собрания — главным образом на влиятельных друзей, на всякого рода сателлитов, в особенности из числа бывших изгнанников и других, так сказать, деклассированных элементов, на лично преданные ему отряды телохранителей и наемников.

Эти главные моменты, составляющие содержание демагогической политики Дионисия, дополняются рядом технических аксессуаров, без которых, очевидно, не обходится никакая демагогия. Это прежде всего широкий шантаж общества, запугивание его то жупелом военной опасности, то угрозой антидемократического переворота и в связи с этим широкое использование обвинений в предательстве для компрометации и устранения политических противников (обвинения в предательстве: в первых выступлениях Дионисия — Diod., XIII, 91, 3 слл.; после избрания его в коллегию стратегов — 92, 2; в выступлениях Дионисия после возвращения из Гелы — 94, 1 слл.). Это, далее, искусственное нагнетение истерии, имеющее в виду вызвать в народе необходимый эмоциональный порыв, исключить возможность трезвого обсуждения, заглушить голоса оппозиции (ср. характерные словоупотребления в рассказах Диодора о выступлениях Дионисия и производимом ими эффекте: на первом народном собрании в Сиракузах — XIII, 91, 3; 92, 1; при обсуждении вопроса об изгнанниках — сразу по возвращении из Гелы — 94, 4; на следующий день на народном собрании—там же: *τὸν δὲ δῆμον κατὰ τὸν στρατὸν πᾶρθεύουσιν* и далее описание ненормального порядка избрания Дионисия в стратеги-автократоры). Это, наконец, прямой обман, хитрые уловки, имеющие целью сбить с толку общественное мнение и подготовить проведение тех или иных важных мероприятий. Как мы видели, Дионисий дважды прибегал к помощи таких уловок: один раз — после возвращения из Гелы, подготавливая свое избрание в стратеги-автократоры, а второй — в Леонтинах, подготавливая назначение себе личной охраны, в обоих случаях показав себя отличным постановщиком и актером политической комедии.

И последнее: демагогия была для Дионисия важным средством достижения власти, но все же, поскольку она является всего лишь приемом в политической борьбе, могла ли она одна обеспечить окончательную, как мы видели, достаточно быструю и недвусмысленную трансформацию квазипростата в тирана? Очевидно, у Дионисия должна была быть еще какая-то реальная сила, опираясь на которую он мог поставить точки над «и» и удержаться у власти даже тогда, когда у значительной части общества наступило прозрение (в общей форме на необходимость такой силы для окончательной трансформации демагога в тирана указал уже Аристотель — Pol. V, 4, 4, р. 1305 а 7—15). И действительно, проследивая восхождение Дионисия, мы видим, какое большое значение имела для него поддержка влиятельных друзей (ср. Diod., XIII, 91, 4; 96, 3), как упорно расширял он круг своих личных приверженцев (XIII, 92, 4 слл.; 95, 3; 96, 1 сл.) и как настойчиво стремился подчинить своему влиянию войско

(XIII, 93, 2 слл; 94, 1; 95, 1; 95, 3—96, 2). Вот эта-то группа личных его друзей и сторонников и войско, в особенности отряды телохранителей и наемников, и явились той политической силой, которая составила реальную опору для нового, тиранического режима. Эта необычная политическая сила не совпадала ни с одной из двух традиционных политических сил полиса с их четкой ориентацией на определенные социальные слои, ни с демократией, ни с олигархией. Это был сложный организм, составленный из различных по происхождению, но единых в стремлении, связанных между собой элементов (можно, например, проследить связь «друзей» с войском: Фпилист позднее был комендантом сиракузской цитадели, Лептин и Феарид — навархами), пестрая, но достаточно устойчивая и сильная военно-политическая «организация». Хотя отдельные элементы ее, в частности инициативная группа «друзей», существовали еще до переворота, в целом она сложилась в процессе борьбы Дионисия за власть, и сам Дионисий был столько же творцом ее, сколько и ставленником. Опираясь на эту силу, он смог прочно обосноваться на той высоте, куда вознесли его сложившаяся общественная ситуация, происки влиятельных интриганов и собственная политическая ловкость.

FIRST STEPS AND ACCESSION TO POWER OF DIONYSIUS THE ELDER

by E. D. Frolov

Thanks to the material we have concerning it, the history of Dionysius's accession to power has proved in some degree the model case by which we judge the circumstances attending other, less well attested cases. The theoretical importance of the conclusions suggested by the history of the elder Dionysius is therefore quite obvious. The circumstance which first claims our attention is the unhealthy social situation, the very stuff of which tyranny is made. The methods which proved effective in achieving tyrannical power are also remarkable. Dionysius played the demagogue from the start, and it was this which brought him his first notoriety and prepared the way for the subsequent transformation of a quasi-popular leader into a tyrant. The demagogy of Dionysius had two sides to it, «national» and social. On the one hand he knew how to make the most of the external danger, calling for closed ranks against the Carthaginians; on the other hand, he just as cleverly exploited the popular demand for a fight against corruption in governing circles and against the rich and influential generally. But demagogy was only one of his political tools: the attainment of tyrannical power required physical force. Such a force he had in the variegated but sufficiently solid group made up of his influential «friends» (φίλοι), adherents and satellites of all kinds, bodyguards and mercenary detachments. This force enabled Dionysius to dig in firmly on the height to which, first, of all, the social situation and his own political shrewdness had carried him.